

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Ксении Александровны Маретиной на тему «Древнеиндийский эпос “Махабхарата” как символ индийской идентичности (на материале современных индийских литературных и кинематографических произведений)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Задачи диссертационного исследования К. А. Маретиной, отраженные в его названии и в развернутом виде сформулированные во введении (с. 10), в равной степени объемны, амбициозны и актуальны. Объемность задач обусловлена многоаспектным значением и разносторонним влиянием эпических квазисакральных текстов «Махабхараты» в культуре и социальной жизни Индии. Амбициозной является задача доказать функции «Махабхараты» именно как символа индийской идентичности, учитывая сложности в определении этого понятия. Актуальной работа является и с собственно научной точки зрения, и в контексте текущих социально-политических процессов в Республике Индия. Объяснение целей обращения к древнему эпосу в современной культуре, выявление различных форм интерпретации и адаптации эпических сюжетов в литературе и искусстве, изучение их эстетического, эмоционального, идейного воздействия на людей из разных социальных слоев и этнических групп имеют важное значение для историко-филологических и культурологических исследований. Что касается реалий общественно-политической жизни, то в качестве яркого, но не единичного примера можно вспомнить недавний политический скандал вокруг текста классической поэмы Тулсидаса «Рамчаритманас» (XVI в.), являющейся переложением древнеиндийского эпоса «Рамаяна», аналогичного по значимости «Махабхарате» (в январе-феврале 2023 г. критические высказывания одного высокопоставленного индийского чиновника по поводу строк поэмы, в которых оправдывается дискриминация женщин и представителей низшей касты далитов, вызвали серьезные общественные волнения, сопровождавшиеся в том числе сжиганием страниц с соответствующими строками, сочиненными более пяти веков назад).

Главный научный результат исследования К. А. Маретиной заключается в квалифицированном решении конкретной задачи, связанной с изучением ряда произведений литературы и кинематографа Индии, где прямо или аллюзивно используются герои и сюжеты «Махабхараты». Предметный анализ в работе включает характеристику жанровых признаков, композиции, образов и идейных посылов нескольких романов и кинофильмов, являющихся современными интерпретациями «Махабхараты» с применением таких художественных методов, как актуализация, метафоризация, инверсия и субъективизация. Рассмотрение этих и других аспектов, отражающих особенности переосмысления и воспроизведения индийских эпических традиций в современных произведениях литературы и киноискусства, сопровождается выявлением связей этих произведений с культурно-историческим и социальным контекстом, а также попытками соотнести их идейно-художественные функции с критериями идентичности в ее разных проявлениях.

Особенно удачной во всех отношениях мне показалась вторая глава диссертации, где на примере двух романов, написанных женщинами, затрагивается гендерная проблематика и подробно рассматриваются способы оригинального авторского прочтения «Махабхараты» путем модернизации ее идеологических основ, смещения акцентов и формулирования новых смыслов и ценностных ориентиров.

Аналитическая привлекательность второй главы обусловлена тем, что ее содержание представляет собой детальный, хорошо продуманный, построенный по одной схеме сравнительный анализ двух во многом контрастных произведений. С одной стороны, это написанный на языке ория и переведенный на хинди роман «Драупади» Пратибхи Рай, писательницы, в творчестве которой отражаются вишнуистские традиции ее семьи (не случайно роман написан в форме письма Драупади к Кришне). С другой — «индо-американский» роман на английском языке «Дворец иллюзий» Читры Банерджи Дивакарони, учившейся в Калифорнийском университете и теперь преподающей в университете Хьюстона. В обоих произведениях на передний план выведен образ Драупади, и его разные интерпретации двумя разными по менталитету писательницами очень умело и проницательно анализируются К. А. Маретиной. Автор диссертации убедительно доказывает, что в обоих романах образ Драупади далеко выходит за рамки его распространенной трактовки, заключающейся в том, что «суровая дхарма эпической жены и героини» — это верность супружескому обету (*пативраты*), почитание и убаживание супруга как бога (с. 96 со ссылкой на мнение С. Л. Невелевой). В романах Рай и Дивакарони, как показывает К. А. Маретина, Драупади — это умная, сильная, целеустремленная женщина, в сознании которой в одном случае (Рай) превалирует коллективистская идеология, в другом (Дивакарони) — индивидуалистская. Однако и в эпосе образ Драупади, жены пяти мужей и в общем главной причины эпохальной битвы на Курукшетре, не столь пассивен, как якобы предписывает этика *пативраты*. По замечанию автора диссертации, «многие индианки рассматривают образ решительной и яростной Драупади как более соответствующий современной индийской женщине, чем образ кроткой и покорной Ситы, героини эпоса “Рамаяна”, которая традиционно воспринималась в культуре как идеал индийской женщины» (с. 98). Исследование К. А. Маретиной подтверждает мысль о том, что любая интерпретация литературного текста, даже признанная в какой-то период последним словом в науке и даже канонизированная религиозной экзегетикой, всегда остается только интерпретацией, зависящей от социально-исторического контекста и господствующих идеологем.

Параллельно с анализом явных и неявных следов «феминизации» сюжета «Махабхараты» в романах Рай и Дивакарони К. А. Маретина отмечает некоторые любопытные отступления от классического текста, появление новых эпизодов, введение новых персонажей, трансформацию, в том числе гендерную (сестра Шикхадни), старых. Много внимания автор диссертации уделяет социальной проблематике романов, комментирует затронутые в них всегда насущные вопросы социального неравенства, проявления дискриминации — сословной (кастовой), этнической, гендерной. Особый интерес представляет обсуждение религиозно-философских аспектов в толковании образа Драупади. По мнению К. А. Маретиной, отражение философии «Бхагавадгиты» — это то, что роднит два разных по идеологии произведения и в большей степени приближает их к эпосу. Считаю ценной мысль автора о том, что «посредством включения в свои произведения философских идей из эпоса, а также явным отсылкам к священному и крайне влиятельному тексту, которым является “Бхагавадгита”, авторы стремятся придать своим версиям “Махабхараты” большую легитимность...» (с. 139).

Не менее интересна с точки зрения содержательности, аналитики и общих выводов третья глава диссертации, хотя по системности изложения материала она немного уступает второй главе. Возможно, причина заключена в самой ее тематике, поскольку киноискусство Индии — это очень широкая и многогранная тема, хорошо передающая пестроту и синкретизм современной индийской культуры в целом. По сути глава представляет собой попытку общего обзора индийской кинопродукции как с прямыми

переложениями «Махабхараты», так и с современными трактовками ее сюжетов и образов. Акцент справедливо сделан на фильмах второго типа, глубже раскрывающих культурное и идейное значение эпических традиций в современном индийском обществе. Хотя в центр анализа поставлен фильм 2010 г. «Политика» Пракаша Джха, сочетающий аллюзии на «Махабхарату» и перепевы «Крестного отца» Ф. Ф. Копполы, аутентичность и своеобразие творческого восприятия эпоса более выпукло показаны в заметках К. А. Маретиной о таких свежих кинокартинах, как «Карнан» (2021) на тамильском языке и «Рядом ревет революция» (2022) на телугу. Особенно интересен тамильский фильм, предлагающий противоположный взгляд на традиционный нарратив с выражением идеологии низших каст. Автор диссертации высказывает ряд полезных соображений по поводу присутствующей и в фольклоре, и в авторских произведениях параллели между побежденными Кауравами и современными далитами, а также о конструировании далитами своей альтернативной версии эпоса (с. 169-172). Важным, но, к сожалению, не получившим в работе развития является вывод о различиях в идеологии кинематографа на государственном языке хинди и региональных языках (с. 177).

Обзор современных литературных интерпретаций и адаптаций «Махабхараты» с экскурсами в теоретические вопросы, связанные с ролью эпоса в формировании идентичности, содержится в первой главе диссертации. В «полифонии» этой главы есть и спекулятивные рассуждения о понятии «адаптация», и краткий пересказ содержания «Махабхараты», и дань все еще популярным дискурсам о постколониальном синдроме и ориентализме. Пользуясь словами автора об исторических романах индийских писателей, можно сказать, что для первой главы тоже характерно «стремление отказаться от логоса, линейности и объективированности, тяготение к калейдоскопичности и фрагментарности повествования» (с. 134). Разбор ключевого для этой главы произведения — «Великого индийского романа» Шаши Тхарура, на мой взгляд, уступает анализу романов Рай и Дивакаруни во второй главе. Построенный на отсылках к англоязычной литературе, этот роман, в описании К. А. Маретиной, по жанру больше напоминает политический памфлет с использованием модного приема литературных аллюзий и мнение индийского ученого Т. К. Гхоша о том, что «Тхаруру не интересен сам эпос, и он не питает к “Махабхарате” никакого уважения» (с. 70, 77), мне кажется ближе к истине, чем выводы автора диссертации. Именно в первой главе есть немало категорических сентенций, с которыми трудно согласиться например, о том, что «историография... не имеет своей собственной традиции в Индии» (с. 44), или о том, что прошлое «постколониальных народов» «было похоронено и подавлено колониализмом» (с. 90). Думаю, автору также следует еще раз подумать об адекватности перевода на русский язык таких понятий, как «subaltern studies» («исследования угнетенных», с. 7, 47) и «fictions of memory» («литература памяти», с. 71).

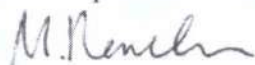
Основное и принципиальное замечание к работе касается использования и интерпретации понятия «индийская идентичность», которое присутствует в названии и фактически наделено функцией главного концепта исследования. Смысл этого понятия в работе трудноуловим, а очень беглые комментарии по поводу идентичности как таковой сводятся к упоминанию двух ее признаков — множественности и изменчивости. Список идентичностей, предложенных автором в качестве «ключа» к пониманию ее содержания, велик: культурная, национальная, постколониальная, гендерная, этническая, религиозная, кастовая, диаспоральная, индивидуальная (с. 21) и еще маргинальная (с. 83, 93). Каждый тип требует пояснений, необходимо представлять критерии и системные связи идентичностей, иначе смысл этих понятий размывается. Гендерная идентичность, например, во всех контекстах интерпретируется только как осознание лицом женского пола своего социально-правового статуса и перспектив эмансипации. Это явно

ограниченное понимание термина. Под «индийской идентичностью» в работе, очевидно, имеется в виду прежде всего национальная идентичность, то есть та, что связана с официальной идеологией национально-государственного строительства, проблемы которого в Индии сохраняются и постоянно заявляют о себе в разном виде (например, недавний этно-политический конфликт в Манипуре). Не случайно К. А. Маретина периодически использует в качестве синонимов понятия «общеиндийская идентичность», «национальная индийская идентичность» и др. Понимание политической сущности этой идеологемы, на мой взгляд, позволит точнее хронологически локализовать ее исторические корни и осмыслить последующую эволюцию, избежав распространенных анахронизмов. Представляется обоснованным мнение о том, что индийская идентичность, как и другие национальные идентичности, начинает формироваться только в начале Нового времени, в ранний могольский период, когда формулируется политическая идеология «всеобщего мира» (*сулх-и кулл*), связываемая с именем императора Акбара. Именно тогда «Махабхарата» и другие особо значимые древнеиндийские произведения переводятся на персидский («мусульманский») язык и начинают наделяться функциями культурных символов государственной «индийской идентичности».

Рецензируемая диссертация К. А. Маретиной заслуживает высокой оценки как глубокое комплексное исследование форм и способов адаптации древнеиндийских эпических традиций в современной культуре — литературе и кинематографе. Автор работы демонстрирует большую эрудицию и профессионализм, доказывая на обширном материале идею о том, что путем обращения к эпосу и его творческого переосмысления индийские писатели и кинематографисты одновременно декларируют и осовременивают общенациональную идентичность. В работе решены все поставленные задачи, в совокупности направленные на то, чтобы представить «Махабхарату» как живую традицию, допускающую разные художественно-стилистические вариации и толкования. Квалификацию исследования подтверждает и такой ее «незаметный» технический элемент, как научная транскрипция в передаче собственных имен и терминов.

Диссертация Ксении Александровны Маретиной на тему «Древнеиндийский эпос “Махабхарата” как символ индийской идентичности (на материале современных индийских литературных и кинематографических произведений)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Ксения Александровна Маретина заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2. Литературы народов мира. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Председатель диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент,
профессор Кафедры иранской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета
Михаил Сергеевич Пелевин

18 октября 2023 г.